

Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии:
по материалам международной конференции «Диалог 2016»

Москва, 1–4 июня 2016

«КАК БЫ НЕ Я И КАК БЫ НЕ С ТОБОЙ»: ПРАГМАТИКА РЕФЕРЕНЦИАЛЬНОГО СМЕЩЕНИЯ В УСТНОЙ РЕЧИ

Колмогорова А. В. (nastiakol@mail.ru)

Сибирский федеральный университет, Красноярск, Россия

Ключевые слова: коммуникативное лицедейство, референциальное смещение, коммуникация, иллюкутивная сила, прагматическая функция

“AS IF IT WASN’T ME AND IF IT WASN’T YOU”: PRAGMATICS OF REFERENTIAL GLIDE IN SPOKEN LANGUAGE

Kolmogorova A. V. (nastiakol@mail.ru)

Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russia

The article explores pragmatic functions of the “communicative mummery”—phenomenon observable in everyday communication and consisting in some referential slides that happen in the communicative act trivial schema “I talk to You Here and Now”: the speaker can communicate as if he wasn’t himself but someone else or if he was talking to another person but not to his real communicative partner. Unlike a simple trickery the communicative mummery isn’t hidden from the speaker’s interlocutor. Conversely, experiencing such transfigurations (I speak, if it wasn’t me...etc.) the speaker intentionally uses a range of prosodic and/or non verbal markers such as special gaze, gesturing that isn’t familiar to him, specific accent or prosodic contours for attracting his partner attention. The discursive manifestations of communicative mummery have some common features with the reported speech and the polyphonic conversational humor phenomena but, in the same time,

display its own particular properties and perform rather special functions in conversation. Firstly remarked in mother-child communication as a particular mother's practice of child socialization the discussed phenomenon was also found in adults' heterogeneous speech interactions that, after having been collected in a corpus of 52 items, served as a data for our analysis. It shows that the main pragmatic functions of communicative mummery is to prevent the speaker's social face loss in case if he violates social conventions regulating communicative behavior in the situations of social enforcement, social guilt or self-praising.

Key words: communicative mummery, referential slides, communication, illocutionary force, pragmatic function

Введение

Суть анализируемого в данной публикации феномена состоит в том, что говорящий в какой-то момент своей устной диалогической интеракции, используя видимое его собеседнику референциальное смещение, начинает говорить и вести себя как кто-то другой или он сам, но как будто бы не здесь и не сейчас, или он сам, но не в том эмоциональном состоянии, в котором он действительно сейчас находится, или он говорит как бы не с тем человеком, который, действительно, является его собеседником. Этот процесс напоминает процесс актёрского перевоплощения, но, в отличие от последнего, происходит на глазах «зрителя» и на короткое время, не подлежит эстетической оценке, но призван реализовать иллокутивные интенции «актёра», который не обладает никакими профессиональными навыками перевоплощения. Суть такого коммуникативного явления сводится к моделированию какой-либо социально рискованной интеракции с точки зрения различных её субъектов. В итоге такая «полифония» позволяет снизить угрозу для социального лица говорящего.

1. Критерии отграничения коммуникативного лицедейства от других форм взаимодействия своего и чужого в речи

Проблема «своего» и «чужого» активно разрабатывается в лингвистике [Баранов 1994; Падучева 2011; Плунгян 2008]. Исследуются семантика и прагматика так называемых «ксено-показателей» [Арутюнова 1990] — частиц *де, мол, дескать как знаков* чужого голоса, отчуждаемой речи, чужого мира в дискурсе.

Д. Вайсом по аналогии с ксено-показателями на материале речевого пространства Государственной Думы было введено понятие ксенотекста, понимаемого как прецедентный текст и/или простые малоизвестные цитаты из чужой, внепарламентской речевой среды, используемые депутатами Государственной Думы во время парламентских дебатов [Вайс 2012; 2014]. Ксенотексты, как отмечает Д. Вайс, вводятся в речь либо особыми *метатекстовыми «скрепами»* (как *говорится*), либо именовани^{ем} автора (как *у известного литературного героя*;

как сказал поэт) или номинацией жанрового маркера цитируемого произведения (так вот притча такая; я расскажу новогодний анекдот) [Вайс 2014: 44].

В рамках традиции конверсационного анализа Б. Приего-Вальверде и Р. Бертран [Bertrand, Priego-Valverde 2011] вводят термин «конверсационный полифонический юмор» для обозначения случаев введения чужого голоса в диалогическом неформальном общении для характеристики с юмористическим оттенком какого-либо персонажа-предмета беседы, т.е. в тех случаях, когда двое говорящих обсуждают кого-то третьего и один из них или оба последовательно прибегают к включению реплик, которые могли бы сказать/ сказали «другие» об этом человеке.

В свою очередь, мы предлагаем использовать термин «коммуникативное лицедейство» (далее — КЛ) для описания несколько другой группы случаев. Речь идёт о ситуации диалогического общения, не связанного с ситуацией дескрипции для получения юмористического эффекта, но — с непосредственной интеракцией, преследующей иллокутивные цели убеждения, оказания влияния, воздействия в конфликтной и/или угрожающей социальному лицу ситуации. При этом в одном и/или нескольких «узлах» коммуникативной схемы «Я ГОВОРЮ ЗДЕСЬ и СЕЙЧАС с ТОБОЙ» происходит референциальный сдвиг, который можно эксплицировать через коннектор «как бы не»: «как бы не Я / ГОВОРЮ/ как бы не ЗДЕСЬ и как бы не СЕЙЧАС как бы не с ТОБОЙ». В отличие от «ксенотекстов», в такого рода — «лицедейских» — дискурсивных фрагментах нет «метатекстовых скреп». Говорить о «чужом слове» здесь можно лишь в случае наличия референциального сдвига «как бы не я», но и в подобных примерах отсутствуют ксено-показатели. В остальных же случаях следует, скорее, говорить о появлении особой модальности «понарошку» как некой коммуникативной игры, проявляющейся именно в ситуациях угрозы коммуникативному лицу говорящего. Маркерами феномена, который мы называем «коммуникативным лицедейством» являются:

- а) референциальный сдвиг в узлах коммуникативной схемы, манифестируемый через «незаконное» смещение дейктических указаний [Падучева 2011] (я для обозначения другого субъекта — не реального говорящего, он, она — для ты);
- в) необычная для говорящего просодия (резкая смена тембра голоса, появление несвойственного акцента, резкое изменение высоты и силы голоса, резкая смена интонационного рисунка);
- с) изменения на уровне невербального поведения (появление несвойственных говорящему и/ или не предполагаемых ситуацией жестов, движений, иногда — миметического характера).

2. Корпус

Первоначально обсуждаемый феномен был отмечен нами при работе с 90 часовым видеокорпусом записей общения матерей со своими детьми в возрасте от 0 до 7 лет. В общей сложности было проанализировано 120 диад. Феномен,

названный нами «коммуникативным лицедейством» регулярно наблюдался в речи матерей, обращённой к детям от 0 до 3-х лет, затем — появлялся лишь окказионально, а при общении с детьми 6–7 лет вообще не был отмечен. Таким образом, КЛ наблюдалось в псевдоконфликтных (моделируемых как конфликтные) коммуникативных ситуациях: 1) в присутствии третьих лиц (чаще — родственников) мать, обращаясь к ещё неспособному говорить ребёнку, произносит обвинительные реплики в свой адрес от имени ребёнка (*мать, скажи, не кормит меня... и т.д.*); 2) в присутствии ребёнка моделирует от его имени реплики возмущения, обращённые к третьему лицу (*скажи, мне не нравится, дядя, мне не нравится*); 3) говорит о себе в третьем лице в ситуации недозволенного, неодобряемого социумом поведения ребёнка (*мама обиделась и заплакала, пожалей маму*).

Как результат работы с данным корпусом появилась гипотеза о том, что референциальное смещение подобного типа может использоваться и в устной речи взрослых, но для какой цели?

Дальнейший сбор материала для «взрослого» корпуса проводился методом случайной выборки, отсюда — гетерогенный характер материала (фрагменты художественных фильмов, опосредованных художественным дискурсом диалогов, интервью известных медийных личностей, записи повседневной устной речи, сделанные автором, общее количество единиц «взрослого» корпуса — 52 дискурсивных фрагмента), обусловленный сравнительной редкостью изучаемого феномена в речи взрослых, а также его спонтанностью: он носит мультимодальный характер, возникает в диалогическом общении, как правило, в повседневном и неформальном или приближенном к таковому.

3. Коммуникативное лицедейство, тип 1: референциальное смещение «как бы не я»

Рассмотрим способы маркирования в речевом поведении и прагматические функции различных типов коммуникативного лицедейства, отталкиваясь от критерия «тип референциального смещения». Первый тип — референциальное смещение «как бы не я», в котором, собственно, и слышен «чужой голос».

В фильме «Ликвидация» (реж. С. Урсуляк) друг, и «по совместительству» — вор-карманник, Фима уговаривает Давида Гоцмана заглянуть на минутку к друзьям, но Давид отказывается. Тогда Фима внезапно переходит от типичной для него одесской речи к специфической интонации и немецкому акценту:

- (1) Г.: /Фима/ мне надо до военных прокуроров/ а ты вцепился что лешай до пионерки/ поясни хоть/по какому случаю//
Ф.: /три минуты и побежишь до своих прокуроров/ три минуты/ друг просит//
Г.: /Фима..↑/
Ф.: # резко останавливается, одной рукой быстро резко берёт Гоцмана за плечо, другой — как бы вытаскивает их кармана пистолет, складывает средний и указательный пальцы в виде дула, которое

*направляет в грудь собеседнику, смотрит прямо в глаза#
нјэт† ви пойдѣюте со мной генерал’\/
Г.: #ухмыляется и идёт за Фимой#*

В данной ситуации говорящий на очень короткое время нарушает референциальную схему коммуникативной ситуации, говоря, как если бы это был не он, а немецкий офицер, следовательно, как если бы действие происходило не в послевоенной Одессе, а во время оккупации где-нибудь в концлагере или лагере военнопленных — референциальное смещение в узле «субъект коммуникации», как правило, ведёт к смещению и в других узлах схемы коммуникативного акта.

Своего рода начальным маркером коммуникативного лицедейства в данном случае выступают, прежде всего, невербальные средства: проксемические — Фима резко останавливается, жестовые — резко берёт собеседника за плечо. При дальнейшем развёртывании «перевоплощения» линия несвойственного говорящему невербального поведения продолжается: резкие властные, сдержанно агрессивные жесты, взгляд, демонстрируемые Фимой, не имеют ничего общего с его обычным поведением до и после анализируемого фрагмента. Отметим также имитацию воображаемого действия «вытаскивать пистолет» как невербальный маркер коммуникативного лицедейства.

Просодически хорошо заметно появление характерного немецкого акцента, реплика произносится более напряжённым тоном и громче, а также быстрее, чем предыдущие и последующие, характерна интонация выраженной иллюкутивной силы [Арутюнова 1999: 672], характерная для институционального, а не межличностного общения.

Прагматическая функция появления в данной части интеракции чужого голоса тесно связана с ведущей иллюкуцией в данном дискурсивном фрагменте — директивой или (по Дж. Личу [Leech 1983]) конкурирующей — и состоит в решении нескольких вспомогательных задач: 1) с помощью переключения с фамильярного регистра речи на институциональный усилить в ситуации **социального принуждения** императивность иллюкуции до уровня, который в межличностном дружеском общении привёл бы к риску прерывания коммуникации; 2) при этом, одновременно с усилением императивности, уменьшить степень угрозы собственному социальному лицу в контексте отношений дружбы, приятельства, «разрядив обстановку» за счёт видимого эффекта перевоплощения. «Чужой голос» здесь призван показать реальную иллюкутивную силу, заложенную в высказывании говорящим, выраженную в недопустимой в реальной социо-коммуникативной ситуации форме.

Подобный тип коммуникативного лицедейства встречаем и в институциональном общении, приближенном, однако, к повседневному в риторических и имиджевых целях. Так, В. В. Жириновский, выступая во время пресс-конференции накануне президентских выборов 2011 в качестве одного из кандидатов, использует подобный способ введения «чужих голосов» с референциальным смещением. Особенностью введения «лицедейского фрагмента» является его лексическое анонсирование, даже создание своего рода иконических отношений между семантикой некоторых лексем и просодикой следующего за ними

контекста. Например, произносит, говоря о В. В. Путине, «ему ближе тихие чиновники» тихим бесстрастным голосом, а сразу после «он не понимает, что страна требует окрика» кричит «Молчать!». Завершение же «лицедействия» выделяется метатекстовым комментарием («вот это страна почувствует, вот это царь!»):

- (2) / я его раздражаю/ ему ближе тихие чиновники.....[0,2] кабинетные
#говорит тихим монотонным голосом# он сидит и тихо разговаривает/
он не понимает/ что страна требует окрика//
МОЛЧАТЬ! #кричит, бьёт кулаком по столу#
/вот это страна почувствует/ вот это царь! император! **ВСТААТЬ!**
#подбородок приподнят, жест «указующий перст», высокомерный взгляд
на присутствующих «сверху-вниз»
#тихо, с элементами передразнивания# садитесь/ ну как у вас там
дела/зарплату/ ну/ надо повысить/ учителям/ ну среднеэкономическая
по стране/ вот у вас ЖКХ вроде бы повысилось [разводит руками]
[кричит] **БЕЛЫХ, Я ТЕБЯ ВЫГОНЯЮ ! ТЫ ТАМ В ШВЕЦИИ, ТАК
И ОСТАВАЙСЯ В ШВЕЦИИ [жест «указующий перст»] У ТЕБЯ ТАМ
ПОВЫШЕНИЕ 40% ЗА ГАЗ И ЗА СВЕТ//**

По-видимому, в анализируемом фрагменте к собственно коммуникативному лицедействию можно отнести лишь те части, где «Я» говорящего локализовано в образе царя, поскольку речь В. В. Путина, скорее, передаётся в модусе пересказывательности [Левонтина 2010]. Свидетельства тому — наличие маркера «передачи угрозы и осуждения в чужой речи» [Подлесская, Кибрик 2009] *вот*, а также *ну*, которое маркирует пересказ чужой речи, оцениваемой как не содержащая ничего нового, повторяющая давно известные вещи.

В части «царского голоса» сохраняются и выделенные нами ранее типичные маркеры коммуникативного лицедействия: референциальное смещение типа «как бы не я», влекущее за собой и другие смещения («как бы не здесь» и «как бы не сейчас») — Жириновский коммуницирует как «как бы» царь (видимо, Иван Грозный); отсутствуют прямые маркеры говорения, которые вводили бы «чужой голос», но резкая смена просодики и невербального поведения удивляет неожиданными перепадами; появляются элементы миметических схем — имитирует удары посохом (скипетром).

При этом подчеркнём, что в случаях, описываемых как «коммуникативное лицедействие», при том, что происходит «разрыв» личностной самоидентификации, чужой голос ассоциируется говорящим с собой как субъектом коммуникации, поэтому такой голос не передаётся ни в аспекте пересказывательности с различными модальными оттенками, ни в аспекте передразнивания или утрирования.

Прагматические функции КЛ в проанализированном дискурсе В. Жириновского: 1) усилить имиджевую составляющую, показав неконвенциональный, но эффективный способ решения насущных проблем; 2) при этом, одновременно, уменьшить степень угрозы собственному социальному лицу в глазах политической элиты, поскольку подобная коммуникация недопустима в контексте институциональных отношений.

Частым видом референциального смещения «как бы не я», относимого нами также к КЛ, является разговор о себе в третьем лице — так, как если бы о говорящем высказывался некто другой:

- (3) *Вера Ивановна: А/ вы чего сидите/ ждёте/когда Веривановна придёт и всё решит/ нет давайте сами//
/может всё-таки поможете/ Веривановна↑//*

В примерах данного, последнего, типа используя «он-перспективу», говорящий помещает себя в позицию агенса, а выполняемые им действия попадают в фокус коммуникативного внимания. Прагматика подобных высказываний направлена на социальное повышение говорящего, являясь формой скрытой лести самому себе. Однако за счёт референциального смещения говорящий не нарушает социальных конвенций и не наносит ущерба своему социальному лицу: он подчёркивает свою важность и незаменимость, говоря «от имени и по поручению» третьих лиц.

4. Коммуникативное лицедейство, тип 2: референциальное смещение «как бы не с тобой»

Примером второго рода считаем коммуникативную ситуацию в фильме «Такси — 3» (русскоязычная версия), где главный герой (Д.) объясняется со своей девушкой (Л.): она ушла от него, поскольку считала, что он не уделяет должного внимания отношениям и посему будет плохим отцом. Для обозначения своей собеседницы он выбирает существительное, эквивалентное местоимению 3 лица единственного числа, осуществляя таким образом референциальное смещение «я говорю здесь и сейчас как бы не с тобой». Девушка (Л.) подхватывает эту игру:

- (4) *Л.: /ты тут зачем↓ ты что/ беременный↑/
Д.: / #медленно и расслабленно, слегка театрално, начинает приближаться к девушке, выразительно смотрит# моя любимая беременна↓/
Л.: /твоя любимая забеременела от выхлопной трубы ↑или от сквозняка ↓/
Д.: /от меня/ [0,1] я пообещал любимой
Л.: /что↑ пообещал↓/
Д.: /что буду больше времени проводить с ней/ чем с машиной/ что буду лучшим на свете папой...
Л.: /и она поверила↑/
Д.: /не↑ уверен↓/#улыбается # но это будет самой большой ошибкой в её жизни/ потому что я говорю это искренне/
Л.: /у вас искренности в изобилии/ а времени нет↑/ чтобы выполнить все обещания↓/
Д.: /Лили↑/ ты выйдешь за меня↑/*

В анализируемом дискурсивном фрагменте референциальное смещение «Я /говорю/ как бы не с тобой» инициировано одним коммуникантом и подхвачено другим, что привело к референциальному смещению и в речи второго коммуниканта «как бы не Я». Далее мы остановимся, тем не менее, на особенностях коммуникативного поведения первого из них.

По-видимому, к этому же типу относится записанный нами разговор в институциональной «рабочей» ситуации, где первый говорящий (Г1) занимает более высокую социальную позицию и обращается к собеседнику как если бы говорил не с ним, но о нём:

- (5) Г1: /Я уже не раз говорила **одному коллеге**
#выразительный взгляд# /
что не стоит так вести себя в коллективе/ не припомните/ Андрей
Петрович/говорила↑//
Г2: / Говорили/ помню/ ну и как↑ **коллега** ↓[0,01] исправился ↑//
Г1: /По-видимому **нет**↓/
Г2: /Ну/ **редииска**\/#выразительный взгляд#
Г1: #молчит, выразительно смотрит#
Г2: /Ну всё↓/ больше не буду↓/ простите↓//

В примерах 4–5 референциальное смещение «я говорю как бы не с тобой» маркируется в самом начале «лицедейства» акцентным выделением либо слова, имеющего в качестве референта реального собеседника говорящего (моя **любимая** беременна), либо определения, нарочито подчёркивающего неопределённость референта (**одному** коллеге), сопровождаемым и невербальным маркером — выразительным взглядом. В обоих случаях собеседники подхватывают «игру в лицедейство», которая для демонстрации перлокутивного эффекта в конечной фазе интеракции обрывается тем из них, кто чувствует за собой вину. Он ликвидирует референциальное смещение, показывая своё понимание того, кто является реальным адресатом (в первом фрагменте — это просящий извинения инициатор «лицедейства», во втором — также извиняющийся коммуникативный партнёр инициатора «лицедейства»). Кроме того, в обоих проанализированных случаях заметен специфический просодический характер высказываний инициатора КЛ: слегка замедленный, но не утрированно, темп речи, растягивание гласных, повторяющийся плавный восходяще-нисходящий интонационный контур.

Что касается прагматических функций КЛ в проанализированных дискурсивных фрагментах, то отметим следующее: по-видимому, разговор «как бы не с тобой (но о тебе)» позволяет инициатору КЛ в ситуации «**социальной вины**» увеличить силу иллокуции до уровня, который в обычной коммуникации угрожал бы его социальному лицу (например, истово умолять о прощении (пр.4) или угрожать и осуждать виновника (пр.5)), избежав при этом коммуникативных рисков за счёт удвоения позиции своего партнёра по коммуникации — он, понимая, что иллокутивная сила направлена на него, одновременно выступает и в позиции наблюдателя со стороны.

5. Коммуникативное лицедейство, тип 3: референциальное смещение «как бы не здесь и не сейчас»

Следующий из рассматриваемых видов КЛ мы многократно наблюдали в видеозаписях общения матерей со своими детьми в возрасте от года до 2-х-3-х лет. В ситуациях, рассматриваемых матерями как достойные порицания и гипотетически способные попасть в поле речевой агрессии, они коммуницировали с ребёнком так, как будто бы были агрессивны, разозлены, однако отдельные маркеры выдавали «понарошечный» характер этого состояния, т.е. матери вели себя так, как они бы вели себя в другой ситуации («не здесь и не сейчас»), если бы были действительно разозлены и агрессивны :

- (6) *Мама: /Почему не спишь/ зараза такая/ **почему** не спишь/ а!/
ты чо лежишь там пиццишь!ну-ка спи# быстро#/ложись давай [0,02]/
ну-ка **спи** говорю!комугрю# быстро# комугрю спи ложись/ я тебе/
ой я тебе/ Марусина/ Ма\л/русина//*

Основные маркеры такого КЛ — невербальные и просодические. Среди первых отметим некую неполноту амплитуды агрессивных действий: если машет кулаком, то делает это «мелко-мелко» потрясывая, если грозит пальцем, то тоже быстро и короткими движениями; смеющийся взгляд. Среди просодических маркеров выделим неестественно быстрый темп речи, её неестественно высокий тон там, где в «обычной» агрессии наблюдались бы его падения (например, в сегментах, передающих императивную коммуникативную тональность), общий сдвиг вперёд артикуляции.

Реализации подобных коммуникативных моделей, имеющих, в отличие от материнского общения, выраженную прагматическую составляющую, находим в бытовом и институциональном общении взрослых. Ср.:

- (7) *Н. (начальник): /Ну [0,01] идите сюда/ **есть** серьёзный разговор#хмуро перекладывает бумаги на столе #/ #смотрит в упор #Вот вам **сколько** лет!
П.: /#напряжён#сорок/
Н.: /и вот **скОлько** можно повторять [0,01] # выразительно
смотрит#вдруг улыбается# с днём **рождЕния**, с **сорокалетием**!/
//*

При анализе видеозаписи (пр.7) отмечаем, хотя и в ослабленном виде, те же, что в пр.6 маркеры: слегка ускоренный темп речи инициатора КЛ, общее «завышение» тона в высказывании по сравнению с «обычной» агрессивной коммуникацией. Среди невербальных маркеров — отсутствие агрессии во взгляде, сдержанный характер жестикуляции. Хотя на первый взгляд в случае пр.7 мы можем квалифицировать наблюдаемое как шутку, однако трудно согласиться с тем, что КЛ здесь имеет исключительно развлекательный эффект — в ситуации социальной зависимости осуществляется как бы «проверка» и укрепление таких неравных социальных отношений, не приводящая при этом к потере инициатором КЛ социального лица (например, если бы директор (пр.7) спросил «Вы боитесь меня, вы понимаете, что я ваш начальник?»).

Таблица 1. Маркеры и прагматические функции референциального смещения в устной речи

Говорю...	Вербально-просодические маркеры	Невербальные маркеры	Частно-прагматическая функция	Общая прагматическая функция	Кол-во в корпусе
«как бы не я»: Я-перспектива	несвойственные говорящему акцент, интонация, резкая смена ритма	несвойственные говорящему жесты и мимика, имитационные жесты	неконвенциональное усиление императивности	Снижение угрозы сосоциальному лицу +	14
Он-перспектива	акцентное выделение предикатов действия	движение головой сверху вниз с выдвиганием вперёд подбородка	положительная самопрезентация, самовосхваление		17
«как бы не с тобой»	акцентное выделение лексем-номинаций собеседника, замедленный темп, растягивание гласных	выразительный взгляд на собеседника	увеличение иллокутивной силы высказывания в ситуации социальной вины		12
«как бы не здесь и не сейчас»	ускоренный темп, завышение тона	отсутствие агрессии во взгляде и жестах	проверка вертикальных социальных отношений		9

Заключение

Прагматической функцией, общей для всех рассмотренных случаев КЛ, является предотвращение потери говорящим — инициатором КЛ — собственного социального лица при одновременном нарушении им конвенций одобряемого социумом в данной ситуации типа коммуникативного поведения.

Так, КЛ с референциальным смещением «как бы не я», по всей видимости, свойственно ситуациям социального принуждения, когда говорящий прибегает к таким его коммуникативным формам реализации, которые не одобряются социумом (я-перспектива). При этом просодические и невербальные маркеры КЛ ярко представлены. В случае он-перспективы («как бы не я, а кто-то обо мне») прагматическая функция — самовосхваление.

КЛ с референциальным смещением «как бы не с тобой» реализуется в ситуациях, связанных с социальной виной инициатора КЛ или его собеседника. При этом ведущую роль играют просодические маркеры, в том числе — акцентное выделение первого существительного, номинирующего реального собеседника в он-перспективе.

КЛ с референциальным смещением «как бы не здесь и не сейчас» наблюдается в ситуациях социальной зависимости, когда занимающий более высокую позицию на социальных качелях инициатор КЛ хочет проверить такие вертикальные социальные связи «на крепость», подтверждая тем самым свою позицию в иерархии. В данном случае ярко выраженными оказываются просодические и невербальные маркеры КЛ.

Литература

1. Арутюнова Н. Д. Высказывание в контексте диалога и чужой речи // *Revue des études slaves*, Tome 62, fascicule 1–2, 1990. L'énonciation dans les langues slaves [En hommage à René L'Hermitte, sous la direction de Jean-Paul Sémon et Héléne Włodarczyk]. Pp. 15–30.
2. Арутюнова Н. Д. Чужая речь: «своё» и «чужое» // *Язык и мир человека*. М.: Языки русской культуры, 1999. С. 668–686.
3. Баранов А. Н. Заметки о дескать и мол // *Вопросы языкознания*. 1994. № 4. С. 114–124.
4. Ваїс Д. Депутаты любят цитаты: ссылки на ксенотексты в Госдуме // *Русский язык сегодня*. Вып. 5: Проблемы речевого общения. М.: ФЛИНТА: Наука, 2012. С. 64–75.
5. Ваїс Д. Интертекстуальность в Госдуме // *Политическая коммуникация: перспективы развития научного направления: материалы Междунар. науч. конф. (Екатеринбург, 26–28.08.2014)* / гл. ред. А. П. Чудинов. Екатеринбург, 2014. С. 43–45.
6. Левонтина И. Б. Пересказывательность в русском языке // *Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии*. Вып. 9 (16). По материалам международной конференции Диалог 2010. С. 284–288.
7. Николаева Т. М. От звука к тексту. М.: Языки русской культуры, 2000. 679 с.
8. Падучева Е. В. Семантические исследования. Семантика времени и вида в русском языке; Семантика нарратива; изд. 2-е испр. и доп. М.: Языки русской культуры, 2011. 480 с.
9. Падучева Е. В. Показатели чужой речи *мол* и *дескать* // *Известия РАН. Серия литературы и языка*. 2011. Т. 70, N 3. С. 13–19.
10. Плунгян В. А. О показателях чужой речи и недостоверности в русском языке: *мол*, *якобы* и другие // В. Wiemer & V. A. Plungjan (Hrsg.). *Lexikalische Evidenzialitäts-Marker in slavischen Sprachen* // *Wiener Slawistischer Almanach, Sonderband 72*. München: Sagner, 2008. S. 285–311.
11. Подлесская В. И., Кибрик А. А. Дискурсивные маркеры в структуре устного рассказа: опыт корпусного исследования // *Диалог* 2009. С. 390–396.
12. Bertrand R., Priego-Valverde B. Does prosody play a specific role in conversational humor? *Pragmatics and Cognition*, vol. 19, no. 2. 2011, p. 333–356.
13. Leech G. *Principles of Pragmatics*. London, New York: Longman, 1983. 257 p.

References

1. *Arutjunova N. D.* (1990), Utterance in the context of dialogical and reported speech [Vyskazyvanie v kontekste dialoga i chuzhoj rechi], *Journal of Slavistic Studies [Revue des études slaves]*, Tome 62, fascicule 1–2, 1990. Utterance Organization in Slave Languages [L'énonciation dans les langues slaves] [En hommage à René L'Hermitte, sous la direction de Jean-Paul Sémon et Hélène Włodarczyk]. pp. 15–30.
2. *Arutjunova N. D.* (1999), Reported speech: “my own” and “others” [Chuzhaja rech': «svojo» i «chuzhoe»], *Language and Human World [Jazyk i mir cheloveka]*, *Jazyki russoj kul'tury*, Moscow, pp. 668–686.
3. *Baranov A. N.* (1994), Notes about *deskat'* and *mol* [Zametki o deskat' i mol], *Issues of General Linguistics [Voprosy jazykoznanija]*, Vol.4, pp.114–124.
4. *Bertrand R., Priego-Valverde B.* (2011), Does prosody play a specific role in conversational humor? *Pragmatics and Cognition*, vol. 19, no. 2. 2011, pp. 333–356.
5. *Leech G.* (1983), *Principles of Pragmatics*. London, New York: Longman.
6. *Levontina I. B.* (2010), Reported speech in Russian [Pereskazyvatel'nost' v russkom jazyke], *Computational Linguistics and Intellectual Technologies: Proceedings of the International Conference “Dialogue 2010” [Komp'yuternaya Lingvistika i Intellektual'nye Tekhnologii: Trudy Mezhdunarodnoy Konferentsii “Dialog 2010”]*, Bekasovo, pp. 284–288.
7. *Nikolajeva T. M.* (2000), From the sound to the text [Ot zvuka k tekstu], *Jazyki russoj kul'tury*, Moscow.
8. *Paducheva E. V.* (2011), Markers of reported speech *mol* and *deskat'* [Pokazateli chuzhoj rechi mol i deskat'], *Russian Academy of Sciences Bulletin, Literature and Language 2011*. Vol. 70, N 3. C. 13–19.
9. *Paducheva E. V.* (2011), Semantic studies. Semantics of tense and voice in Russian. Semantics of Narrative [Semanticheskie issledovanija. Semantika vremeni i vida v russkom jazyke; Semantika narrativ], *Jazyki russoj kul'tury*, Moscow.
10. *Plungjan V. A.* (2008), Remarks on the reported speech markers and non-reliability in Russian: *mol*, *jakoby* and others [O pokazateljah chuzhoj rechi i nedostovernosti v russkom jazyke: mol, jakoby i drugie], *Lexical Markers of Evidence in Slave Speech [Lexikalische Evidenzialitäts-Marker in slavischen Sprachen]*, *Slavistic Almanac of Vienne*, Vol. 72. München: Sagner, pp. 285–311.
11. *Podlesskaja V. I., Kibrik A. A.* (2009), Discursive markers in the structure of oral narration: the case of corpus study [Diskursivnye markery v strukture ustnogo rasskaza: opyt korpusnogo issledovanija], *Computational Linguistics and Intellectual Technologies: Proceedings of the International Conference “Dialogue 2009” [Komp'yuternaya Lingvistika i Intellektual'nye Tekhnologii: Trudy Mezhdunarodnoy Konferentsii “Dialog 2009”]*, Bekasovo, pp. 390–396.
12. *Weiss D.* (2012), Deputies love quotations: references to xeno-texts in Duma [Deputaty ljubjat citaty: sсыlki na ksenoteksty v Gosdume], *Russian Language Today [Russkij jazyk segodnja]*, Vol. 5: Problems of Verbal Communication, *Flinta-Nauka*, Moscow, pp. 64–75.

13. Weiss D. (2014), Intertextuality in Gosduma [Intertekstual'nost' v Gosdume], Political Communication: Perspectives of Research Approach: Proceedings of the International Conference [Politicheskaja komunikacija: perspektivy razvitija nauchnogo napravlenija: materialy Mezhdunar. nauch.konf.], Ekaterinburg, pp. 43–45.